

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

**Сборник статей
XXIII Международной научной конференции
21–24 октября 2012 г.**

Отв. ред. С.К. Гураль

Томск
2013

Комментарии к существующим изданиям не дают информации об этом слове, лишь сообщая пояснение автора, что словосочетание *дрогс ликет* обозначает аптеку. И если слово *дрогс* объясняется легко (*drugstore* – американская аптека, совмещающая магазин и закусочную), то слову *ликет* трудно подобрать английский оригинал. Можно предположить, что это *liquor* ‘напиток’, зарифмованное с *тикет*: по значению оно вполне соответствует контексту (в аптеках продавались напитки), а по звучанию напоминает английскую речь (сошлюсь также на устное мнение Л. Федоровой, сотрудника Джорджтаунского университета). Ср. также как возможный источник латинскую поговорку: *quod licet Jovi non licet bovi* (что можно Юпитеру, нельзя быку).

Таким образом, представление поэтического языка Серебряного века в словарной форме, требующее пристального внимания к каждому отдельному слову, выявляет произошедшие за век изменения в языке и видении мира.

Литература

1. Григорьев В.П. Поэтика слова. М., 1979.
2. Шестакова Л.Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М., 2011.

А.И. Лазаренко

Томский государственный университет

ИСТОРИЯ И ЭТИМОЛОГИЯ СЛОВ БУРДА И БАРДА

«Бурда, ы, ж. Смесь разных жидкостей; мутный напиток. • Плохое, невкусное питье или жидкое кушанье. • Переносно: путаница, вздор, чепуха» [1. Т. 1. С. 695–696].

Слово впервые было зафиксировано в XVIII веке, в словаре сопровождается пометой «просторечное»: «БУРДА́, ы́, ж. Простореч. Мутное неприятное на вкус питье, смесь. Меня нынче Ванька напоил паче чаяния кофем .. Бурда бурдой. ПРП XVIII 300. Какой ты мнѣ подал пить бурды! САР1 I 386. | Перен. О путанице в голове. [Минодора:] Эта бурда у меня, и вся эта контузия не от новомодных слов, да от твоей старомодной грубости здѣлалась. Сум. Мать 79.» [2. Вып. 1. С. 168]

Отмечено в Словаре Академии Российской, также с отсылкой к просторечному бытованию слова: «БУРДА, ды. с. ж. Татар. въ просторѣчии къ означению всякаго мутнаго напитка употребляемое. Какой ты мнѣ подаль бурды!» [3. Ч. 1. С. 386].

В XIX веке интересующее нас слово фиксируется в словаре Даля: «Бурда ж. бурдомага ярсл., каз. дурной, мутный напиток; дурная смесь жидкого кушанья или питья. Бурдить, а более употр. набурдить, приготовить или налить дурное, негодное питье; | шалить, проказить, прокудить, колобродить. Ты что бурдишь?» [4. Т. 1. С. 349]. Даль отмечает слово не только в современной форме, но и в варианте *бурдомага*, однако значение слова мало отличается от современного.

Этимология слова *бурда* неоднозначна. Традиционно это слово считается заимствованием из тюркских языков. Так, Фасмер характеризует слово *бурда* как заимствованное из татарского *burda* «мутное питье, смесь разных жидкостей» [5. Т. 1. С. 244]. Версия о заимствованном характере слова представлена также в словаре Преображенского [6. Т. 1. С. 53].

П. Я. Черных критически относится к этимологизации слова *бурда* как заимствования: «Иногда, по недоразумению, считают его тюркизмом, но в тюркских языках СССР оно из русского, а в других тюркских отсутствует» [7. Т. 1. С. 74]. Исследователь выдвигает предположение о том, что *бурда* является фонетическим вариантом слова *барда*, образовавшимся в говорах, возможно, под влиянием глагола *бурить* (*набурить*) «лить без меры» [7. Т. 1. С. 74].

Барда – это «гуща, остатки от браги при перегонке из нее винного спирта, употребляемые как корм для скота; мутная жидкость». Происхождение этого слова также неясно. Существительное *барда* зафиксировано в XVII веке: «Гуща, остающаяся от перегонки хлебного вина, барда». И против прошлого 182 во 183 году не добрано по продажѣ за винную барду 16 алтынѣ 4 денги. ДАИ IX, 37. 1676 г. Шотчи [корова] на поварню да барды опилась. Был., 220. XVII в. || «Отстой (от перетапливания сала морских зверей)» Устюжанин Игнатей Стефанов Шапочников... товару явил по городской выписи... 30 п. сала ворванного, бочка барды ворванной. Там. кн. III, 91. 1676 г». [8. Вып. 1. С. 73–74].

В XVII–XVIII веках зафиксированы производные от существительного *барда* слова: *бардяный* «прил к *барда*. да у винокурни сарай... да в немъ двѣ колоды по 7 сажень, животины кормлена, да тчань

барденной ветохъ. Кн. прих.-расх. Синб., 165. 1667 г». [8. Вып. 1. С. 74]; *барденый* «бардою кормленый» [3. Ч. 1. С. 102]; *барденик* «Животное, бардою утучненное» [3. Ч. 1. С. 102].

В Словаре русских народных говоров существительное *бурда* отмечается в значениях «смесь» и «сливки с кваса» с середины XIX века: «1. Бурда, ы, ж. 1. Смесь чего-либо, что-либо перемешанное. Оренб., 1849. Нерехт. Костром., Яросл., Казан., Смол. • Смесь кушаний. Дон., 1876.» «Мешаное молоко». Город Калявин Твер., Чередеев. Ворон., 1905. – Доп. «Бурлило». Черномор. Астрах., Дубровский. 2. Кушанье, начинающее портиться. Пек., Осташк. Твер., 1855. > Бурдой ходить. Прокисать, портиться (о кушанье). Пек., Твер., 1855. 3. Жидкость (брага), приготовленная для выгонки самогона. Исык-Кульск., 1953–1959. || Сусло плохого качества. Кадн. Волог., 1895–1896. || «Сливки с кваса». Пек., Осташк. Твер., Карпов, 1855» [9. С. 283].

В то же время обращает на себя внимание тот факт, что существительное *барда* фиксируется в диалектах достаточно поздно – с XX века: «Барда, ы и барда, ы, ж. 1. Барда [удар.?]. Брага. Появилась брага (у нас ее еще называют бардой). Осин. Перм., 1915. || Невыстоявшаяся брага, пиво; осадок в браге и пиве. Не дадут ноньше выстоять, барду так и пьют. Таборин. Свердл., 1964. 2. Мутное питье, бурда. И охота тебе эдакую барду пить. Волог., 1902. Барда, а не питье. Амур. || Барда. Плохо приготовленные щи, похлебка. Верхот. Перм., 1899. 3. Густое пойло для скота из тепловатой воды с примесью ржаной муки. = Барда. Задон. Ворон., 1914–1915. • Густое теплое пойло для скота из муки с прибавлением картофельной или свекольной мезги. Ворон., 1916» [10. С. 111–112].

Если принять гипотезу о том, что *бурда* и *барда* являются фонетическими вариантами, то этимология данных слов все-таки остается неясной. Возможно, что родственным этим словам является существительное *брага*, также не имеющее внятной общепринятой этимологии. В пользу гипотетического родства слов *брага* и *барда* свидетельствует и то, что их значения регулярно смешиваются и взаимозаменяются не только в русском литературном языке, но и в диалектах – пример см. выше [10. С. 111], а также в белорусском: «БРАГА, и, с. ж. 1) Барда. Отъ браги скоцина жиреець. Браги бы ты хвацивь, а не горелки. 2) Прокислое кушанье. Мы не свинни, што ты намъ браги подала» [11. С. 32]; и украинском: «БРАГА, рж. Гуща, що зістається по відгоні горілки. XVI. Не утаїтся шило въ меху, Але врыхле натець сь коввшомъ на брагу Отп. И. П. кл. Остр. 1115. XVII не волно Козакове в дому своємъ жадного напитку на потребу свою держати, не тилко меду, горелки, але и браги Літ. Сам. 4. XVIII Медомъ зась, пивомъ и брагою волно всякому... шинковати Укр. ист. м. 44 91704). – А інде въ аренде и брага бываєть, хто нечувал звуку, той велми ся удивляєть Клим. Вірші, 202. [12. С. 131].

Если допустить родственность слов *брага* и *барда*, то можно вычленил общий корень **bъr-*, тогда морфологическая структура рассмотренных единиц предстает такой: *бъr-аg-а*; *бъr-д-а* (где *д* и *аg-* суффиксы). Сходная точка зрения представлена в словаре П. Я. Черных [7. Т. 1. С. 74].

Суффиксальное чередование *d/g* исторически достаточно широко представлено в славянских языках. Ср., например: рус. *ля-д-вѣя* («бедро») / *ля-га* = *ля-ж-ка* (**len-d-* / **len-g-*) [13. С. 135]; *пеледа* (диал.) «стреха, навес, крыша» / *пелега* (диал.) «кора, покров дерева» [13. С. 137]; *ослядь* (д.-рус.) «толстая жердь, бревно» / *сляга*, *слега* [13. С. 138]; рус. диал. *бру-д* «грязь», пол., чеш. *bru-d*, н.-луж. *bru-da* «грязь» / словен. *bruzga* «талый снег с грязью» (чередование *d(z)g*) [13. С. 122]; рус. *дроз-д* / ст.-сл. *дроз-гъ* [13. С. 123].

Однако признание родства существительных *брага* и *барда* не делает ясной этимологию этих слов. Происхождение и семантика гипотетического общего корня **bъr-*, который можно выделить в этих словах, неясны. Возможно, этот корень родственен общеславянскому **bъrъ* «просо»: в древнерусском мы встречаем это слово в форме *боръ* «ячмень» [14. С. 134]. Известно, что брагу обычно варили именно из ячменного солода [15. С. 121].

Литература

1. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М. ; Л., 1950–1965.
2. Словарь русского языка XVIII века. Л., СПб., 1984–2004. Вып. 1–14.
3. Словарь Академии Российской. СПб., 1789–1794. Ч. 1–6.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1903–1909.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М., 1986–1987.
6. Преображенский А. Этимологический словарь русского языка : в 3 т. М., 1910–1914.
7. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. М., 1999.
8. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–2008. Вып. 1–28.
9. Словарь русских народных говоров. М. ; Л., 1968. Вып. 3. 360 с.
10. Словарь русских народных говоров. М. ; Л., 1966. Вып. 2. 314 с.

11. Носович И.И. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870. 756 с.
12. Исторический словарь украинского языка. Киев, 1930. Т. I. 528 с.
13. Откупщиков Ю.В. Из истории индоевропейского словообразования. СПб. ; М., 2005. 320 с.
14. Этимологический словарь славянских языков. М., 1976. Вып. 3. 199 с.
15. Полякова Н.Н. История наименований напитков в русском языке XI–XVII вв. М., 1982. 186 с.

Л.А. Матвеева

Омский государственный университет им. Ф.М.Достоевского

УСТОЙЧИВЫЕ СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ОБОРОТЫ С ЗООНИМНЫМ КОМПОНЕНТОМ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Проблема связи языка с мышлением является основополагающей в когнитивной лингвистике. Этими вопросами занимались такие известные российские психологи, как Л.С. Выготский, А.Р. Лурия и лингвист А.А. Потебня. В настоящее время эти идеи приобрели особую актуальность в связи с принципами антропоцентризма и когнитивизма в лингвистике. Попытки понять, «как человек интерпретирует мир и себя в мире», привели к тому, что в качестве объекта изучения стала выдвигаться такая идеальная сущность как языковая картина мира. Понятие национальной ЯКМ и её реконструкции находится в стадии разработки, но уже имеются определённые аспекты её описания. Материалом для реконструкции языковой картины мира этноса являются факты языка различной природы: лексемы, фраземы, включая паремии, синтаксические конструкции, грамматические формы, словообразовательные средства и правила лексико-семантической сочетаемости [1. С. 7–8].

В данной статье для анализа был выделен фрагмент ЯКМ, элементами которого являются устойчивые сравнительные обороты (УСО) с зоонимным компонентом. Изучению сравнения посвящено много научных трудов, разных по своим целям и задачам в различных областях знания. Лингвистическая проблема сравнения характеризуется признанной сложностью ввиду, прежде всего, своей многоаспектности. Исследователи указывают на многообразие языковых средств выражения сравнения, одним из которых является фразеологическая единица, то есть устойчивое сравнение. Сравнение выступает как способ познания мира, с одной стороны, и как способ фиксации результатов познания в культуре и языке - с другой. В.В.Виноградов определяет устойчивые сравнения как «особый тип фразеологических конструкций, в которых внутренняя условность фразы определяется традиционной национальной характеристикой образа, его испытанной меткостью, бытовым реализмом и экспрессивной внушительностью» [2. С. 149]. Устойчивые сравнения присутствуют в любом национальном языке, а их национальная специфика проявляется в различии избранных в той или иной культуре эталонов сравнения и стереотипных представлений. Как утверждает В.Н.Телия, в УСО как бы запрограммировано их участие «межпоколенной трансляции эталонов и стереотипов национальной культуры» [3. С. 12].

Сравнение экспрессивно, наглядно, образно характеризует человека, явления природы и повседневные ситуации. Устойчивые сравнительные обороты с зоонимным компонентом являются одними из самых распространенных, часто употребляемых и многочисленных устойчивых сравнений в языках в силу того, что образы животных, лежащих в основе устойчивых компаративов, достаточно актуальны и зримы.

Обратимся к УСО с зоонимным компонентом в английском и русском языках для выявления универсальных и специфических явлений в языковой картине мира носителей данных лингвокультур.

Аналізу были подвергнуты 155 УСО английского и 1571 УСО русского языков, отобранных методом сплошной выборки из одноязычных и двуязычных словарей.

При анализе фактического материала с семантической точки зрения все УСО были разделены на группы с обобщенным значением: «Домашние животные», «Дикие животные», «Хищники», «Дикие птицы», «Домашние птицы», «Насекомые», «Рыбы, рептилии, морские животные». Наиболее многочисленной группой в английской выборке УСО, по нашим данным, оказалась группа «Домашние животные», которая насчитывает 43 УСО, т.е. 28% от всей выборки. В состав УСО, относящихся к этой группе, входят следующие слова, обозначающие домашних животных: **bull (ox), cat, cow, dog, goat, horse, kitten, lamb, pig, rabbit, sheep**. Например, **as strong as a bull, eat like a horse, as playful as a kitten, breed like rabbits, work like a horse, kill somebody like a dog**. При анализе данной тематической группы было обнаружено, что наибольшее количество УСО (13, т.е. 8.4%) в данной группе составляют УСО со словом «**cat**»: **as nervous as a cat, as weak as a cat, have as many lives as a cat** и др.